

Wawrzyniec Popiel-Machnicki

Instytut Filologii Rosyjskiej

Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu

РУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР В ОЦЕНКЕ ЧЕСЛАВА МИЛОША

Key words: Czesław Miłosz, imperialism, “a little homeland”, Central Europe, Dostoyevsky, Pasternak, Solzhenitsyn, Brodsky

Конец 2013 года и очередные месяцы 2014 – это доминирующие в средствах массовой информации комментарии о тревожных происшествиях на Украине и трудно объясняемой роли, которую в этих событиях играть начала Россия. Мир и прежде всего страны Центральной Европы начали беспокоиться появляющимися мнениями о попытке возрождения президентом Владимиром Путиным советской империи. Молниеносно проведенная Россией аннексия Крыма, поддержка сепаратистских настроений части населения в восточных районах Украины, а также проведение широкомасштабных маневров российских войск вблизи границ не только Украины, но и других западных соседствующих стран, привели к тому, что конгресс США и страны Евросоюза приняли законопроект о применении санкций против Российской Федерации. Все эти события обусловили политический кризис, напоминающий времена холодной войны.

Позволим себе не поднимать вопрос политики, понимая, что решения представителей власти, как показала это неоднократно история, не всегда совпадали с мнением обыкновенных людей. Однако в случае разыгрывающихся на наших глазах украинско-русских проблем, невозможно не заметить решительной поддержки общества, которую получает на каждом шагу своей деятельности Путин. СМИ показывают, что не только старшее поколение граждан Российской Федерации разделяет мнение о том, что политика их государства должна принимать направление, напоминающее жесткие решения секретарей Советского Союза. Молодые люди, которые родились уже после распада СССР, часто также выдвигают лозунги, подчеркивающие необходимость доказать всему миру, что их родина не забыла о своей имперской истории. Необходимо, однако, добавить, что слово «имперский» не до конца связано с переосмысленным миропониманием граждан родины Пушкина.

Во времена Советского Союза прилагательные «имперский» или «империалистический» связывались чаще всего либо с историей царской России, конец которой наступил в 1917 году, либо со странами западной Европы и США, с добавлением эпитетов: «капиталистические», «буржуазные» и т.п. Таким образом, разделяя точку зрения о необходимости присоединить к Российской Федерации все те районы бывшего Советского Союза, где большинство населения – русскоязычные граждане, никто не думает в контексте империалистического покорения соседей.

Тяготение к великорусской, все-таки империалистической советской истории, заставляет задуматься над вопросом русского национального менталитета. Ответа не стоит искать, опираясь исключительно на появляющиеся в СМИ сообщения о новейшей русско-украинской истории. Ценнейшим источником является русская литература, которая многократно доказала, что всегда была незаменимым зеркальным отражением русского характера. В этом контексте, мы хотим обратить внимание на лауреата Нобелевской премии, польского поэта Чеслава Милоша, который, по словам Виктории Ушинскене, «книги о России не писал, однако размышления и эссе об истории и культуре этой страны, о пресловутой “русской душе” и русском национальном характере занимают в его творчестве особое место» [Ушинскене 2011, 77]. В одном из интервью Милош сказал: «Хотел бы способствовать добрососедским отношениям между странами в нашей части Европы, а именно между Польшей, Чехией и Словакией, Польшей и Украиной, Польшей и Беларусью, Польшей и Литвой (...). Как я писал в книге *Поиск отчизны* (*Szukanie ojczyzny*, 2001), под старость это стало моей гражданской службой» [Брио online]. Писатель имел в виду также статус стран Центральной Европы в контексте их соседства и доброжелательных взаимоотношений с Россией.

Важно, что Милош, как подчеркивает Рената Горчинская, всегда с любовью относился к «маленьким отчизнам» [Więkowska 2007, 182]. Поэт родился в Шетейнях Ковенской губернии, то есть на землях, которые в прошлом входили в состав Великого Княжества Литовского. Его семья принадлежала к польско-литовскому шляхетскому роду, а история послужила причиной того, что с детства он был гражданином Российской империи. Милош вспоминал это так: «Я родился в Российской империи, где детям в школе запрещалось говорить на других языках, кроме русского (...). В детстве русский проникал в меня во время скитаний по России в Первую мировую войну, а затем в Вильнюсе (...). Мне кажется, русификация Вильнюса и окрестностей шла весьма успешно, особенно после 1963 года» [Miłosz 2010, 42]. Как подчеркивает Валентина Брио, «таким же образом впитался и язык, естественно, спонтанно, так что мальчик даже не ощущал своего билингвизма. Эта почти на подсознательном уровне впитанная аура давала позднее, как кажется, глубину и многомерность понимания России» [Брио online].

В 2010 и в 2011 годах в Польше были изданы два сборника текстов Милоша, полностью посвященные его многолетним (если можно так сказать) отношениям с Россией. Их содержание под заглавием *Rosja. Widzenia transoceaniczne* (*Россия: трансокеанические видения*) убеждает читателя в том, что тексты были написаны

специалистом, великолепно знающим русскую проблематику. Автор писал о России не как историк литературы, а как эссеист. Можно согласиться с Малгожатой Шумной, утверждающей, что Милош специально воспользовался литературной формой эссе, так как видел в ней хорошееместилище идей, к которым неоднократно возвращался. Писатель мог многократно цитировать те же слова, без опасений относительно того, как повлияет это на общий стиль. Самым важным для автора была привилегированная мысль, которую он намеревался донести до читателя [Szumna 2011, 101]. Стараясь увидеть, как автор *России: трансокеанического видения* описал русский национальный характер, попытаемся в этом контексте обратить внимание, прежде всего, на его оценку Бориса Пастернака, Александра Солженицына и его многолетнего друга, Иосифа Бродского. В процессе анализа высказываний польского лауреата Нобелевской премии о выдающихся русских писателях, награжденных за свое творчество также премией Шведской Королевской академии наук, мы воспользуемся постколониальной критикой, являющейся субдисциплиной культурологии. Этот исследовательский метод, получивший свою популярность в восьмидесятые и девяностые годы XX века, показывает, как представления о мире могут конструироваться, опираясь на слова Михала Павла Марковского, с имперской (т.е. доминирующей политически и культурно) точки зрения. Милош с позиции гражданина государства, которое в недалеком прошлом было разделено, определенным способом раскрывал свое отношение к России. Постколониальная критика является полезной в оценке мировоззрения польского поэта в связи с имперской историей родины Достоевского, в контексте колониальных устремлений царской России и с учетом политики Советского Союза по отношению к странам и народам, которые находились под его прямым влиянием.

Милош, который никогда не отказывался от своего польского происхождения, свое миропонимание, касающееся России, формировал в вильнюсской среде. В студенческие годы, в Университете Стефана Батория он вслушивался в лекции профессора Мариана Здоховского, который прививал юному литератору «интерес к русской теософии, в частности – к идее богоискательства. «Впрочем, осознание того, насколько лекции Здоховского повлияли на понимание Милошем различий между православием и католицизмом, по признанию самого поэта, пришло гораздо позже, с обретением собственного опыта» [Ушинскене 2011, 78]. Необходимо учесть, что в академические дискурсы широким руслом вливалась также брутальная политика, которая своими волнами перебрасывала представителей молодой интеллигенции раз на левую, раз на правую стороны идеологического мышления. О студенческих годах Милоша интересно пишет Емил Пасерски, который подчеркивает в своей статье *Młody Miłosz wobec Rosji*, что тщательный обзор вильнюсского познания России Милошем указывает на глубоко укоренившиеся причины подозрительности, о которой поэт вспоминал много лет спустя. Однако эта подозрительность не связывалась с предубеждением. Опирались она на основательные знания, передаваемые научными и моральными авторитетами, а также на богатый жизненный опыт его самого и опыт близких ему людей. В будущем, как пишет Пасерски, уже в США,

на университетской кафедре литературы в Беркли, Милош доказал своими выступлениями, что эту подозрительность он старался всегда преодолевать [Pasiński 2011, 200]. В 1959 году в главе *Россия* своей книги *Родная Европа* (2001) (*Rodzinna Europa*) Милош написал: «Полякам, не исключая, известно о русских то, о чем те и сами подозревают, но не хотят себе в этом признаться, - и наоборот. Поэтому неприязнь к полякам у националиста Достоевского – что-то вроде самообороны» [Miłosz 2010, 19]. В чем состоял смысл этой «самообороны», Милош старался описать в своих знаменитых лекциях об авторе *Братьев Карамазовых*. Именно в этой книге Достоевский создал карикатурный портрет поляков и Милош попытался понять, в чем суть ненависти знаменитого русского романиста к западным соседям. На каторге в Омске, где Достоевский встретил польских участников списка князя Сцегаенного с 1846 года, по мнению поэта, возникло что-то вроде недоразумения. Достоевский в *Записках из мертвого дома* пишет о польских ссыльных, в общем доброжелательно. Поляки, которые в Омске создали замкнутый круг, отгораживаясь от других ссыльных, что Достоевский оправдывает тяжелым их положением и тоской по родине, совсем не понимали автора *Преступления и наказания*. Они удивлялись, что его революционные взгляды с демократией не имели ничего общего; что он восхищался авторитарной властью и расхваливал территориальную экспансию Русской империи. Как пишет Ушинскене, «сомнительные политические взгляды Достоевского происходили, по мнению Милоша, из его опасений за будущее России, несчастья которой он предчувствовал, в то же время веруя, что именно она должна стать спасительницей мира» [Ушинскене 2011, 81]. Славянофильские убеждения Достоевского утверждали его в том, что, как справедливо замечает Моника Вуйцак, западная наука, технический прогресс, культ денег, принесут миру только апокалипсис. В перспективе приближающегося XX столетия Достоевский увидел угрозу для всего человечества [Wójciak 2005, 33-34]. Пророческие предпосылки Достоевского сопутствовали его выступлению против тех, которым близки были окцидентальные идеи. Достоевский не пощадил ни евреев, ни поляков, ни родную русскую интеллигенцию, обвиняя всех за измену простому народу и православной вере. По словам Милоша, Достоевский был уверен, что ненавистный социализм надвигается на Россию с Запада, является он творением атеизма, который, в свою очередь, был творением католицизма. От социализма, точно так же, как и от Наполеона, мир спасти могла только Россия, принося «на штыхах» российского Христа [Miłosz 1983, 7-8]. Христологию Достоевского Милош оправдывает тем, что русский мессианизм был автором *Идиота* выдвинут «на силу» из-за отчаяния [Miłosz 1983, 9]. Похвала признаваемого Достоевским права на свободу совести, не позволяет Милошу оценить русского писателя согласно фрейдовской теории как «великого психолога». Достоевский, сын традиции гностицизма и герменевтики, близок мистицизму Эммануила Сведенборга. Так же, как и шведский ученый-естествоиспытатель, Достоевский, по словам Милоша, отбрасывал мировоззрение, опирающееся на науку. Отвергал гегелевский, а также марксистский исторический детерминизм, подчеркивая, что за каждую жертву истории придется расплатиться [Venclova 2011].

Достоевский со своим творчеством стал великолепным учителем очередных выдающихся представителей русской литературы. Его мировоззрение, в том числе специфический национальный характер, подшитый имперским мышлением, стали частью художественного величия Пастернака, Солженицына и Бродского. Необходимо добавить, как справедливо констатирует Ева Зажицка-Берард, что вера в империю как в «космос» народов, культур, богов, империю как окно на мир, вера в имперскую мощь и силу – все это найдем в русской литературе. Однако веры в государство и власть у упомянутых литераторов XX столетия читатель не найдет: ни один из них не стал послем своей страны, а даже председателем Союза писателей [Zarzycka-Berard 2012, 230]. Понимал это Чеслав Милош, неоднократно подчеркивая, что он сам очень любил русских, любил говорить по-русски, не любя одновременно Российской империи как той старой, так и новой. Этот тезис он объяснял тем, что, по его мнению, лучше уважать жителей России, причем, прежде всего за то, что они много вытерпели, что вынуждены были искать способы, как давать отпор несчастью. Для миллионов людей большевистская революция стала космическим катаклизмом, и только немногочисленное меньшинство высказалось за либо против [Miłosz 2011, 32].

В этом аспекте Милош оценил Бориса Пастернака. Польский лауреат Нобелевской премии обратил внимание на пастернаковского *Доктора Живаго* не в контексте его художественных ценностей, как замечает Марек Корнат, а как на своеобразный союз автора с широкой исторической панорамой, напоминающий в какой-то степени *Войну и мир* Льва Толстого. Милош поставил тезис, что автор романа сосредоточился на специфической русской философии, усматривающей в России «мистическое тело», распятого человека, т. е. символ коллективного терпения [Miłosz 2011, 30]. Обращая внимание на поэзию Пастернака, в том числе на стихотворения, вошедшие в сборник *Новое рождение*, Милош не мог не заметить похвалы жизни периода 1929-32 годов и отсутствия осуждения действительности, в которой происходил геноцид украинского населения, наказанного голодом за попытку неприятия коллективизации. Может быть, Пастернак ни о чем не знал или не хотел знать. Автор *Родимой Европы* оценил русского писателя как юродивого, который для того, чтобы смыть привкус гражданской темы в поэзии написал *Доктора Живаго*. Роман был хорошо принят на Западе, но в то же время, строго осужден в России. Пастернак, так же, как Достоевский и Толстой, захотел стать проповедником и совестью народа, и поэтому решил включить в свой роман мотив христианский (т. н. стихотворения Живаго). Однако не сумел сделать это, так как Достоевский, который со всей силой входил с читателем в полемику. Христология Пастернака является покорной, как оценил ее Милош в очерке *Trzeźwe spojrzenie na Pasternaka*, 1970 (*Трезво о Пастернаке*) [Miłosz 2011, 246-262]. Книга *Доктор Живаго* «далека от всякого ревизионизма. Ее послание аккумулирует опыт Пастернака-поэта: если кто-то вступает в полемику с мыслью, воплощенной в государстве, он сам уничтожает себя, становится опустошенным человеком. С новым Цезарем нельзя дискутировать, ибо это означает согласиться на встречу на его территории»

[Miłosz 2011]. Такой способ поведения приводит Милоша к простому выводу: Пастернак был советским писателем, вполне одобряющим сталинские времена.

Совестью современного мира и восстановителем великой русской прозы является Александр Солженицын, хотя, как подчеркивает Януш Добешевски, ему также не чужды авторитарные инклинации [Dobieszewski 2012, 33]. Исследователь ссылается в своей оценке на Милоша, для которого автор *Архипелага Гулага* был примером особенного бунтовщика, разделяющего все ценности, признаваемые большинством жителей России. Этими ценностями являются: патриотизм, солдатское мужество, посвящение для других, дисциплина, вера в исключительную миссию своей родины. В очерке *O Solżenicynie. Pytania, 1973 (O Солженицыне. Вопросы)* [Miłosz 2011, 263-272], Милош замечает, что русский писатель бунтовался, если эти ценности подвергались искажению. Сильная приверженность Солженицына к традиции делает его консерватором, который не мог на Западе найти себе места. Милош называет даже Солженицына «писателем XIX столетия», идущим вслед за славянофильством и духовным учителем Достоевским. Внимания заслуживает факт, что Солженицын не предпринимает попыток оправдать империалистических планов государства. Милош обращает внимание на *Нобелевскую лекцию по литературе, 1972*, в которой Солженицын констатировал: «Писатель – не посторонний судья своим соотечественникам и современникам, он – совиновник во всем зле, совершенном у него на родине или его народом. И если танки его отечества залили кровью асфальт чужой столицы, – то бурые пятна навек зашлепали лицо писателя» [Солженицын online]. Для Милоша, в контексте затронутой в нашем тексте империалистической проблемы, слова автора *Ракового кортуса* очень важны. Вытекает из них то, что каждый народ, даже самый маленький, перед престолом Бога имеет своего ангела, а писатель берет на себя ответственность именно перед этим ангелом.

В 1972 году в США приехал Иосиф Бродский и с этого момента можно говорить о начавшейся дружбе русского лауреата Нобелевской премии с Чеславом Милошем. Этой дружбе посвящена интересная книга Ирены Грудзинской-Гросс *Miłosz i Brodski. Pole magnetyczne, 2007*, в которой особого внимания заслуживает глава *Rosja i Ameryka – dwa imperia* [Grudzińska-Gross 2007, 163-214]. Грудзинская-Гросс описывает в ней сложный мотив, присущий дружбе поэтов, касающийся отношения к России. Стараясь преодолеть извечные национальные конфликты и предрассудки, каждый из поэтов оставался при своем мнении. Ученая подчеркивает, что хорошим примером разногласий между Милошем и Бродским стало обсуждение понятия «Центральная Европа». Этот термин, по словам Сьюзен Сонтаг, создали писатели-эмигранты, в том числе Милош Кундера, Данило Киш, Дьёрдь Конрад и Чеслав Милош. Утверждали они, что Центральная Европа – это, если не территориальная, то духовная общность, включающая «страны, находящиеся в сфере советского влияния, но культурно тяготеющие к Западу. Только политическая тирания, по их мнению, удерживала эти страны внутри тоталитарного “Востока”» [Грудзинская-Гросс online]. С такой точкой зрения не соглашался Бродский, для которого разделение Запада и Востока при учете вмешательства политики в культуру

было непонятным миропониманием. В *Roku myśliwego*, 1990 (*Год охотника*) Милош вспоминал, что в мае 1988 года, на конференции в Лиссабоне, целью которой было сближение эмигрантских и «местных» писателей из Советского Союза и стран центрально-восточной Европы, возникло острое разногласие. Россию представляли Лев Аннинский, Сергей Довлатов, Татьяна Толстая и Иосиф Бродский. «Неприятие русскими Центральной Европы, писал Милош, название которой они услышали впервые, вызвало недоумение. (...) Они не отдают себе отчета в том, насколько имперское или, как выкрикнул из зала Рушди, колониальное у них мышление» [Грудзинская-Гросс online]. На аргументы Бродского, что название взглядов русских писателей «империалистическими» или «колониальными» является пренебрежительным отношением к культурной и политической реальности, Милош ответил, что в русской литературе существует табу, и табу это – империя. Милош добавил, что термин «империя» в поэзию ввел, одним из первых, именно его друг Иосиф Бродский. Автора *Элегии к Джону Донну* выбросили из империи, но в этой империи он ведь воспитался, и поэтому термин «Центральная Европа» он считал антисоветским, а даже антирусским. Как считает Эльжбета Савицкая, такой подход свидетельствовал о его великорусском мышлении [Bieńkowska 2007, 186]. Ответ на вопрос: тосковал ли Бродский по империи, которую вынужден был покинуть, очень трудный. Прощаясь с Россией, он приехал в новую империю – США. Очень быстро поэт пришел к выводу, что две империи лежат на том же самом земном шаре и отличий между ними почти нет. Империя для Бродского – это внеисторический, внеполитический организм, «молох, с которым человек сталкивается лицом к лицу, в одиночку, из всех средств самозащиты обладая лишь независимостью и индивидуализмом. (...) Империя – неустанный распад, в ней видна нагота человека и государства» [Grudzińska-Gross 2007, 213].

Проблема столкновения личности с империей несовместима с высказываниями Бродского на тему независимости Украины. В 1996 году в письме Ежи Гедройцу, затрагивающем вопрос антиукраинских высказываний автора *Колыбельной Трескового мыса*, Милош написал, что у Бродского были «условные рефлекссы русского, а никакая сила не заставит русского признать украинцев самостоятельным народом» [Miłosz 2011, 138; Милош online]. Такое мнение Милоша было вызвано также стихотворением Бродского *На независимость Украины*, 1991, в котором поэт с сарказмом провозгласил:

«Скатертью вам, хохлы, и рушникам дорога,
Ступайте от нас в жупане, не говоря – в мундире,
По адресу на три буквы, на стороны все четыре.
Пусть теперь в мазанке хором гансы
С ляхами ставят вас на четыре кости, поганцы» [Miłosz 2011, 417–418].

В этих злобных строках поэт определенную роль отвел полякам. Если приглядеться к эссеистике Милоша на тему взаимоотношений между народами и странами в нашей части Европы (без разницы как мы ее назовем: по Милошу – Центральной Европой или по Бродскому – Восточной) то увидим, что польский

поэт всегда имел в виду «маленькие отчизны», о чем мы уже вспоминали. Помнил он об истории Латвии, Литвы и Эстонии, которые после пакта Риббентроп-Молотов перестали существовать как самостоятельные государства [Miłosz 2010, 54]; описывал неоднозначное поведение Советской Украины, которая после сталинской индустриализации, включавшей коллективизацию, приветствовала вторжение на свою территорию фашистской армии [Miłosz 2010, 63]; не забыл, какие решения были выдвинуты против антирусских тенденций, касающихся этнических меньшинств: вывоз целого народа крымских Татар с Крымского полуострова [Miłosz 2010, 66]. В очерке *O naszej Europie*, 1986 (*О нашей Европе*) Милош подчеркивает, что во времена антиколониализма, когда распались британская и французская империи, независимые государства половины Европы превратились в колонии, контролируемые извне. Фундаментальным фактором являются границы империи и гарнизоны ее армии; в то же время менталитет доминирующего народа воспринимается покоренными народами как чужой, непонятный и варварский [Miłosz 2011, 120]. Попытки ассимилировать и советизировать в 1956 году Венгрию, в 1968 году Чехословакию и в восьмидесятых годах Польшу, как показала история, не осуществились. Но Милош предостерегает, что русские танки находятся в полной боевой готовности, чтобы преподать урок.

Размышления Милоша с новой силой прозвучали в контексте разыгрывающегося на наших глазах столкновения между Украиной и Российской Федерацией. Политическую поддержку, предоставленную Польшей Украине, объяснить можно обращением автором *Нашей Европы* внимания на историю. В 1920 году Юзеф Пилсудский мечтал о свободе и независимости Украины и Белоруссии, что в результате союза с этими странами должно было полностью укрепить независимость Польши. Вытекает из этого известный лозунг *За вашу и нашу свободу*.

Подводя итоги, стоит подчеркнуть, что Чеслав Милош разделял точку зрения, что настоящий поэт – это поэт, являющийся совестью своего народа, а это вынуждает часто говорить даже очень горькую правду. В своих высказываниях на тему России он подчеркивал, что острые комментарии должны сопутствовать откровению, пониманию и доверию между русскими и поляками. Оценка творчества выдающихся русских писателей, с одной стороны, делала из него строгого критика, а с другой – заинтересованного читателя, для которого ценным было натуральное укоренение в литературе восточных соседей философии, религии и метафизики. В Достоевском, Пастернаке, Солженицыне и Бродском видел он настоящих патриотов, переживающих несчастья своей родины. О дружбе с Иосифом Бродским и Томасом Венцлавой Милош сказал, что сделала она больше, чем политика. Сопутствовала она дружбе между нашими народами. Разделял эту точку зрения и Бродский, который подчеркивал, что польские поэты не только повлияли на его творчество. Они дали ему настоящий урок упорства и сопротивления [Grudzińska-Gross 2007, 154].

Библиография

- Брио В., *Между Россией и Европой. Чеслав Милош о Польше, России, Европе, Иерусалим*, <http://institut-est-ouest.ens-lyon.fr/spip.php?article117&lang=fr> [24.03.2014].
- Грудзинская-Гросс И., *Милош и Бродский. Магнитное поле*, пер. Алексеев М., <http://magazines.russ.ru/inostran/2011/7/ir7.html> [17.04.2014].
- Грудзинская-Гросс И., *Россия и Америка – две империи* // Грудзинская-Гросс И., *Милош и Бродский. Магнитное поле*, пер. Алексеев М., <http://magazines.russ.ru/inostran/2011/7/ir7.html> [17.04.2014].
- Милош Ч., *Добро – это мы, зло – это Россия*, <http://inosmi.ru/poland/20120223/186537802.html> [17.04.2014].
- Солженицын А., *Нобелевская лекция по литературе*, http://www.lib.ru/%3E%3C/PROZA/SOLZHENICYN/s_nobel.txt [26.04.2014].
- Ушинскене В., 2011, *К столетию Чеслава Милоша*, „Slavistica Vilnensis”, № 56 (2), 77.
- Bieńkowska E., 2007, *Głosy o książce Ireny Grudzińskiej-Gross „Miłosz i Brodski. Pole magnetyczne”*, Zeszyty Literackie, R. 25, nr 2, 2007, 182.
- Dobieszewski J., 2012, *Słodkie prawdy*, „Nowe książki”, nr 5, c. 33.
- Grudzińska-Gross I., 2007, *Miłosz i Brodski. Pole magnetyczne*, Kraków.
- Miłosz Cz., 1983, *Źródła leżą w Zachodniej Europie*. Czesław Miłosz odpowiada na pytania Zbigniewa Podgórcza, Literatura na świecie, nr 3 (140).
- Miłosz Cz., 2010, *Rosja. Widzenia transoceaniczne. Tom I. Dostojewski – nasz współczesny*, Warszawa, пер. Кузнецов Н., <http://www.novpol.ru/index.php?id=1801> [12.01.2014].
- Miłosz Cz., 2010, *Rosja. Widzenia transoceaniczne. Tom I. Dostojewski – nasz współczesny*, Warszawa, пер. Дубин Б., <http://magazines.russ.ru/slo/2001/1/ross.html> [14.02.2014].
- Miłosz Cz., 2011, *Rosja. Widzenia transoceaniczne. Tom II. Mosty napowietrzne*, Warszawa.
- Pasierski E., 2011, *Młody Miłosz wobec Rosji*, Zeszyty Literackie, R. 29, nr 1, 200.
- Szumna M., 2011, *Godna podziwu monotonia*, Dekada literacka, R. 21, nr 1-2, 101.
- Wójciak M., 2005, *Miłosz, Dostojewski i Rosja*, „Polonistyka”, R. 58, nr 1, 33-34.
- Venclova T., *W poszukiwaniu raju na ziemi*, Tygodnik Powszechny – Kultura, nr 5 (3212), 2011, <http://tygodnik.onet.pl/kultura/w-poszukiwaniu-raju-na-ziemi/8mpvm> [30.05.2014]
- Zarzycka-Berard E., 2012, *Poezja i imperium*, Zeszyty Literackie, R. 30, nr 1, c. 230.

Summary**THE NATIONAL CHARACTER OF RUSSIAN PEOPLE ACCORDING TO CZESŁAW MIŁOSZ**

The assessment of our eastern neighbour made by Czesław Miłosz seems to be very interesting especially in the context of current events in Russia and Ukraine as well as mass media comments on the attempts at the recreation of the Russian empire. Our Nobel Prize winner knew Russia and Russian people very well. He was an expert at Russian literature and wrote numerous essays about this country. Miłosz as an advocate of “a little homeland” was concerned about Russian imperial attitudes. He took it into consideration while evaluating the achievements of Russian writers, thinkers and Nobel laureates in literature. It was also the reason for a heated dispute with Joseph Brodsky.